

Вестник БарГУ

Научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 года

№ 1—2 (10), 2021

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnikbargu@gmail.com .

Подписные индексы: 00996 — для индивидуальных
подписчиков; 009962 — для организаций.
Свидетельство о регистрации средств массовой
информации № 1533 от 30.07.2012, выданное
Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей
аттестационной комиссии Республики Беларусь
от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический
журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические
науки и археология. Экономические науки.
Юридические науки» включён в Перечень научных
изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим наукам и археологии,
экономическим наукам, юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ»
включен в РИНЦ (Российский индекс научного
цитирования), лицензионный договор
№ 06-01/2016.

Выходит на русском и английском языках.
Распространяется на территории
Республики Беларусь.

Заведующий редакционно-издательской
группой А. Ю. Сидоренко
Технический редактор П. Н. Щербук
Компьютерная вёрстка С. М. Глушак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 20.12.2021. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага ксероксная. Печать цифровая.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 14,00.
Тираж 100 экз. Заказ . Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: Гродненское
областное унитарное полиграфическое
предприятие «Слонимская типография».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/203 от 07.03.2014, № 2
от 25.02.2014. Адрес: ул. Хлюпина, 16, 231800 г.
Слоним, Гродненская обл.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кочурко В. И. (гл. ред. журн.), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического образования, академик Международной академии наук педагогического образования, академик Академии экономических наук Украины, заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры технического обеспечения сельскохозяйственного производства и агрономии (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (зам. гл. ред. журн.), кандидат экономических наук, доцент, первый проректор (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (гл. ред. сер.), кандидат экономических наук, доцент, первый проректор (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Прудникова А. Н.** (отв. секретарь сер.) (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Гребень Т. М. (ред. текстов на англ. яз.) (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Андрияшко М. В. (отв. за направление «Юридические науки»), кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лизакова Р. А.** (отв. за направление «Экономические науки»), кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Ермакович Л. И.** (отв. за направление «Исторические науки и археология»), кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Безуглая В. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «БИП — Университет права и социально-информационных технологий», Минск, Республика Беларусь);

Быков А. А., доктор экономических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Василевич Г. А., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Вишневский А. Ф.**, доктор

исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь (учреждение образования «БИП — Университет права и социально-информационных технологий», Минск, Республика Беларусь); **Гурский В. Л.**, кандидат экономических наук,

доцент (государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь); **Демичев Д. М.**, доктор юридических наук,

профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Житкевич Г. Я.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,

Барановичи, Республика Беларусь); **Захарченко Л. А.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест,

Республика Беларусь); **Кривуть В. И.**, доктор исторических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

Колядко И. Н., кандидат юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Куган С. Ф.**, кандидат

экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Лабейко О. А.**, кандидат

экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Литвинский А. В.**, кандидат исторических наук (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи,

Республика Беларусь); **Лосев В. В.**, кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Луценко А. И., доктор экономических наук, профессор (государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь); **Людвигевич О. Н.**, кандидат юридических наук (учреждение образования

«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

Манкевич И. П., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Медведева Г. Б.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Нечухрин А. Н.**, доктор исторических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Омельянюк А. М.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Познякевич В. Н.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Посохина Г. И.**, кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь); **Рябова К. И.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Солодовников С. Ю.**, доктор экономических наук, профессор (Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь); **Таранова Т. С.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Функ Я. И.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Шевлюков А. П.**, доктор экономических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», Гомель, Республика Беларусь); **Яковчик Н. С.**, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь (Институт повышения квалификации и переподготовки кадров агропромышленного комплекса учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск, Республика Беларусь).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Андреева О. В., кандидат экономических наук, доцент (Центр стратегических исследований социально-экономического развития Юга России РГЭУ (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **Астратова Г. В.**, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация); **Белянская О. В.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация); **Биглова Г. Ф.**, доктор экономических наук, доцент (Институт социально-экономических исследований федерального государственного бюджетного научного учреждения «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук», Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация); **Горбатова М. А.**, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Закирова Э. Р.**, кандидат экономических наук, доцент (Институт дополнительного образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация); **Звирибуле А.**, доктор экономических наук, профессор (Латвийский сельскохозяйственный университет, Елгава, Латвийская Республика); **Касич А. А.**, доктор экономических наук, профессор (Киевский национальный университет технологий и дизайна, Киев, Украина); **Кузнецова Ю. А.**, кандидат экономических наук (филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Российская Федерация); **Матвеев Я. Н.**, доктор юридических наук, кандидат наук (Университет в Белостоке по развитию сотрудничества с университетами Восточной Европы, Белосток, Республика Польша); **Момот Т. В.**, доктор экономических наук, профессор (Харьковский национальный университет городского хозяйства имени А. Н. Бекетова, Харьков, Украина); **Одинцова Т. М.**, кандидат экономических наук, доцент (Институт финансов, экономики и управления федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Российская Федерация); **Острогляд А. В.**, кандидат юридических наук, доцент (учреждение высшего образования «Университет Короля Данила», Ивано-Франковск, Украина); **Терзиев В. К.**, доктор наук (экономика), доктор наук (национальная безопасность), доктор наук (социальная деятельность) профессор (Военная академия имени Георгия Раковского, Русенский университет имени Ангела Кънчева, Русе, Болгария); **Шалаев В. П.**, доктор философских наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация); **Шаркова А. В.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация).

Promoter: Educational institution
"Baranovichi State University".

Editorial address:
21 Voykova Str., 225404 Baranovichi.
Phone: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnikbargu@gmail.com .

Subscription indices: 00996 — for individual subscribers;
009962 — for companies.
The certificate of the registration of mass media № 1533
of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information
of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher
Attestation Commission of the Republic of Belarus on
January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal
"BarSU Herald", the series "History of science and
archaeology. Economics. Laws" was included on the list of
the scientific publications of the Republic of Belarus for
publishing the results of dissertation research History of
science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal "BarSU Herald"
is included into RSCI (Russian Science Citation Index),
license agreement № 06-01/2016.

Issued in Russian and English. The journal is distributed
on the territory of the Republic of Belarus.

Managing editor A. Y. Sidorenko
Technical editor L. N. Scherbuk
Desktop Publishing S. M. Glushak
Proofreader N. N. Kolodko

Signed print 20.12.2021. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox.
Digital printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 18,70.
Acc.-pub. s. l. 14,00. Circulation of 100 copies.
Order . Free price.

Printing performance: Grodno Regional Printing Unitary
Enterprise "Slonim printing establishment". The state
registration certificate of the publisher, manufacturer and
publications distributor № 1/203 of 07.03.2014, № 2
of 25.02.2014. Address: 16 Hlyupin St., 231800 Slonim,
Grodno region.

EDITORIAL BOARD

Kochurko V. I. (*editor-in-chief*), DSc in Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, academician of the International Academy of Pedagogical Education, Academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus, Professor of Department of Technical Support of Agricultural Production Processes and Agronomic Sciences (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*deputy editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*the series editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Prudnikova A. N.** (*executive secretary of the series*) (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Greben T. M. (*ed. of texts in-English*) (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Andryashka M. V. (*responsible for the area "Law"*), PhD in Law, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus);

Lizakova R. A. (*responsible for the area "Economics"*), PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Ermakovich L. I.** (*responsible for the area "Historical Sciences and Archaeology"*), PhD in History, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Bezuglaya V. A., PhD in Economics, Associate Professor (Private educational institution "BIP — university of law and social-information technologies", Minsk, the Republic of Belarus);

Bykov A. A., Doctor of Economic Sciences, Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Vasilevich G. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Honored Lawyer of the Republic of Belarus (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Vishnevskiy A. F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus (Private educational institution "BIP — University of law and social-information technologies", Minsk, the Republic of Belarus); **Gurskiy V. L.**, PhD in Economics, Associate Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Demichev D. M.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Zhitkevich G. Ya.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus);

Zaharchenko L. A., PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Krivut V. I.**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Kolyadko I. N.**, PhD in Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Kugan S. F.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Labeyko O. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus);

Litvinskiy A. V., PhD in History (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Losev V. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Luchenok A. I.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Lyudvikevich O. N.**, PhD in Law (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Mankevich I. P.**, PhD in Law, Associate Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Medvedeva G. B.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Nechuhrin A. N.**, Doctor of Historical Sciences,

Professor (Educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Omelyanyuk A. M.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Poznyakevich V. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Posohina G. I.**, PhD in History, Associate Professor (Educational institution "Brest State A.S. Pushkin University", Brest, the Republic of Belarus); **Ryabova K. I.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Solodovnikov S. Yu.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "Belarusian National Technical University", Minsk, the Republic of Belarus); **Taranova T. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Funk Ya. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Shabanov V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Shevlyukov A. P.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "The Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation", Gomel, the Republic of Belarus); **Yakovchik N. S.**, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Honored Worker of Agriculture of the Republic of Belarus (Professional Development and Retraining Institute of Agribusiness Specialists of Educational institution "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk, the Republic of Belarus).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Andreeva O. V., PhD in Economics, Associate Professor (the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia RSUE, Rostov-on-don, Russian Federation); **Astratova G. V.**, Doctor of Economic Sciences, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education of Russian Federation (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation); **Belyanskaya O. V.**, PhD in Law, Associate Professor (the Institute of Law and National Security of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation); **Biglova G. F.**, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor (the Institute of Socio-Economic Studies of the Federal State Budgetary Institution of Science "Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences", Ufa, Bashkortostan, Russian Federation); **Gorbatova M. A.**, PhD in Law, Associate Professor (Saint Petersburg Institute (Branch) of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University (RLA of the Ministry of Justice of Russia", Saint Petersburg, Russian Federation); **Zakirova E. R.**, PhD in Economics, Associate Professor (the Institute of Continuing Education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Economic University", Yekaterinburg, Russian Federation); **Zvirbule A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Latvia University of Agriculture, Jelgava, Republic of Latvia); **Kasich A. A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Kyiv National University of Technologies and Design, Kyiv, Ukraine); **Kuznetsova Yu. A.**, PhD in Economics (the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University in Novokuznetsk", Novokuznetsk, Russian Federation); **Matveyuk Ya. N.**, Doctor of Legal Sciences hab. (Bialystok University for the Development of Cooperation with Universities of Eastern Europe, Bialystok, Republic of Poland); **Momot T. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (A.N. Beketov National University of Urban Economy in Kharkiv, Kharkiv, Ukraine); **Odintsova T. M.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institute for Finance, Economics and Management of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", Sevastopol, Russian Federation); **Ostroglyad A. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Higher Educational Institution "King Danila University", Ivano-Frankivsk, Ukraine); **Terziev V. K.**, D.Sc. (Economics), D.Sc. (National Security), D.Sc. (Social Activities), Professor (Military Academy "G. S. Rakovski", the University of Ruse "Angel Kanchev", Rousse, Bulgaria); **Shalaev V. P.**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Volga State University of Technology", Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, Russian Federation); **Sharkova A. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Булаты П. Ю. Вызначэнне і раскрыццё тэрміну «тытулярная традыцыя» ў кантэксце гісторыі Вялікага княства Літоўскага

Загідулін А. М. Праблема наймення беларускіх і ўкраінскіх зямель у складзе Польшчы (1921—1939) у сучаснай беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі

Ирха Е. М. П. Н. Жукович о религиозно-политической борьбе в Речи Посполитой в первой трети XVII века

Кейко Ю. В. Деятельность церковных советов и приходских попечительств по организации православного храмового строительства на территории Беларуси (1864—1890)

Котусев Е. Н. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве Н. Н. Любовича

Кривуть В. И. Гарнизон «Барановичи» и реализация официальной молодежной политики в межвоенный период

Куньпэн Х. Сотрудничество Китая и Всемирной организации здравоохранения в постэпидемическую эпоху (COVID-19)

Некрасевич Ф. А. Проявления коррупции при проведении рекрутских наборов в белорусских губерниях Российской империи (1831—1856)

Обелевский А. А. Эволюция нормативно-правовой базы в сфере физической культуры и спорта Республики Беларусь

6 **Bulaty P.** The definition and disclosure of the term “titular tradition” in the context of the history of the Grand Duchy of Lithuania

12 **Zahidulin A. M.** The problem of naming of Belarusian and Ukrainian lands within Poland (1921—1939) in modern Belarusian and Ukrainian historiography

18 **Irkha E. M.** P. N. Zhukovich on the religious and political struggle in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the first third of the XVII century

24 **Keiko Yu. V.** The activity of church councils and parish trustees in organizing orthodox church construction on the territory of Belarus (1864—1890)

30 **Kotusev E. N.** Fundamental ideas of Russian historical Polonistics and their refraction in the works of N. N. Lyubovich

45 **Krivut V. I.** Garrison “Baranovichi” and realization of official youth policy during the interwar period

50 **Kunpeng H.** Cooperation between China and the World health organization in the post-epidemic era (COVID-19)

54 **Nekrashevich P. A.** Corruption manifestations during recruitment in the belarusian governorates of the Russian empire (1831—1856)

59 **Obelevskiy A. A.** Evolution of the regulatory and legal framework in the sphere of physical culture and sport of the Republic of Belarus

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMICS

Богдан Я. А. Апробация методики оценки эффективности управления инвестициями в человеческий капитал в организации в условиях инновационной экономики (на примере ОАО «Светлогорск-Химволокно»)

Дербинская Е. А. Методика оценки конкурентоспособности национальной системы высшего образования

Климук В. В. Исследование факторов активизации инновационного наукоемкого молодежного предпринимательства

Лабун Д. В. Теория ограничения систем как современная концепция управления для повышения эффективности организации в контексте формирования экономической безопасности

Пonomарева М. С. Управленческий учет затрат (расходов) и доходов от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж

Рябова К. И. Динамика воспроизводства научных кадров высшей квалификации как фактора накопления интеллектуального капитала в Республике Беларусь

Терзиев В. К. Социальное развитие и изучение социальной эффективности

Шах А. В., Колбаско И. В. Проектирование и оптимизация маркетинговых бизнес-процессов (на примере ООО «Бизнес энд Рост»)

65 **Bogdan Ya. A.** Approbation of the methodology of the effectiveness of the human capital investment management in the organization under the innovative economy (on the example of OJSC “Svetlogorsk-Khimvolokno”)

72 **Derbinskaya E. A.** Methodology for assessing the competitiveness of the national higher education system

80 **Klimuk V. V.** The study of factors activating innovative science-intensive youth entrepreneurship

90 **Labun D. V.** Theory of constraints as a modern management concept for increasing the efficiency of the organization in the context of forming economic security

97 **Ponomareva M. S.** Management accounting of costs (expenses) and income from the sale of goods when providing marketing tools to stimulate sales

103 **Ryabova K. I.** Dynamics of the reproduction of highly qualified scientific staff as a factor of the accumulation of intellectual capital in the Republic of Belarus

110 **Terziev V. K.** Social development and social efficiency study

120 **Shakh A. V., Kolbasko I. V.** Design and optimization of the marketing business processes of the organization (on the example of Business & Rost LLC)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LAW

Ананич С. М. Общая совместная собственность супругов: актуальные вопросы определения состава общего имущества

Богустов А. А. Вопросы коллизионно-правового регулирования в проектах гражданского кодекса СССР

Трушко М. А. Фирменное наименование и другие средства индивидуализации участников гражданского оборота: соотношение и основные принципы разрешения конфликтов

126 **Ananich S. M.** Common joint property of spouses: topical issues of determining the composition of common property

136 **Bogustov A. A.** Conflict-of-laws issues in the projects of the civil code of the USSR

141 **Trushko M. A.** Trade name and other means of individualization of participants in civil commerce: ratio and basis of conflict resolution

УДК 316.42

В. К. Терзиев, доктор военных наук, доктор экономических наук, доктор социальных наук, профессор
Военная академия имени Георгия Раковского, София, Болгария
Университетская Больница имени Канев, Русе, Болгария, vkterziev@gmail.com

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Социальная политика страны представляет собой совокупность конкретных мероприятий, которые направлены на регулирование социальных отношений между различными по своему социальному положению субъектами. Этот подход к пониманию социальной политики называют еще функциональным подходом. По сути, он рассматривает социальную политику как деятельность по регулированию отношений равенства или неравенства в обществе. Он дает возможность искать неравенство в экономических позициях индивидов в отношении права собственности, труда и условий труда, распределения доходов и потребления, социального страхования и здравоохранения и находить источники этих неравенств и их социальную оправданность или неоправданность.

Ключевые слова: социальная политика; социальная работа; социальная эффективность.

Библиогр.: 9 назв.

V. K. Terziev, Doctor of Military Sciences, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Social Sciences, Professor
Military Academy "G. S. Rakovski", Sofia, Bulgaria
University Hospital "Kanef", Rouse, Bulgaria, vkterziev@gmail.com

SOCIAL DEVELOPMENT AND SOCIAL EFFICIENCY STUDY

The social policy of a country is a set of specific measures that are aimed at regulating social relations between subjects that are different in their social status. This approach to understanding social policy is also called the functional approach and, in fact, it considers social policy as an activity to regulate relations of equality or inequality in society. It makes it possible to look for inequality in the economic positions of individuals in relation to property rights, labor and working conditions, distribution of income and consumption, social insurance and health care, and to find the sources of these inequalities and their social justification or unjustification.

Key words: social policy; social work; social efficiency.

Ref.: 9 titles.

Введение. Характерной чертой этой политики является социальная работа (деятельность). Термин «социальная работа» означает и вид профессии, и систему специализированных учреждений, и все более разнообразные практики, которые для того, чтобы быть эффективными, должны использовать интегрированные знания фундаментальных наук о человеке и общественных группах, а также обществе в целом.

В мировой практике социальная работа рассматривается как чрезвычайно важная и престижная вспомогательная профессия. Западные исследователи определяют ее как профессию XXI века, именно социальную работу определяют как наиболее распространенную междисциплинарную профессию XXI века. О ее развитии можно судить из взаимодействия нескольких процессов — ее институционализации, идентификации и интернационализации на фоне европейской интеграции и глобализации.

В Болгарии понятие социальной работы объединяет в себе нескольких моментов: она является интегративной деятельностью, отдельной наукой и практикой, вспомогательной профессией, занимает свою собственную конкретную область деятельности, содержит «формы

социальной интервенции», направленной на индивида, семью, группу или сообщество в целях воспитания и перевоспитания, социализации и неприкосновенности, интеграции и реинтеграции, адаптации и реадаптации. Она рассматривается как целостная интегральная система. Ее основная цель связана с профилактикой, решением социальных проблем и преодолением рисков в отношении личности.

Материалы и методы исследования. В статье использованы теоретические и практические материалы научных исследований зарубежных ученых на основе международных наукометрических баз данных. Основными проблемами социальной работы с точки зрения деятельности общества, государственной деятельности, как неотъемлемой части социальной, институциональной и политической жизни, являются: несвоевременное и неправильное оказание помощи или услуг нуждающимся лицам, семьям, домохозяйствам, социальным группам; несоответствие с европейскими стандартами и критериями при осуществлении социальной работы, учитывая наши национальные традиции и опыт; отсутствие координации и согласованности социальной работы по видам, формам, иерархическим уровням; отсутствие взаимодействия (общения, диалога) между социальными работниками и клиентами (группами) в отношении гуманизма, демократичности и соблюдения этики; отсутствие профессиональной квалификации (знаний, навыков, опыта) социальных работников и лиц по оказанию помощи нуждающимся. В общих чертах конкретные индикаторы могут быть определены по-разному и в различном порядке, но во всех случаях их объединяет социальная эффективность процесса.

Исследование социальной эффективности процесса социальной работы является довольно сложной, а в некоторых случаях почти неисполнимой задачей.

Говоря об эффективности как о ключевом понятии в любой общественно-экономической деятельности, традиционно акцент ставится на экономическую эффективность, которая проявляется в зависимости «затраты — эффекты (выгоды)». И так как любая общественная деятельность осуществляется путем использования все более ограниченных ресурсов, подход к ней должен быть как к экономической деятельности, тем более что экономической деятельностью считается «любая целенаправленная деятельность, при которой ограниченные ресурсы распределяются и комбинируются в различных вариантах, причем при этом возможна максимизация эффекта или минимизация затрат» [1]. На передний план выходит соотношение затрат и выгод от данного ресурса или сочетания данных ресурсов для достижения определенной, заранее фиксированной цели и на этой основе постижение рационализации управленческих решений. В этом смысле зависимость «затраты—выгоды» может быть использована как «способ планирования, как инструмент для принятия решений и как среда для исторического документирования принятых решений» [2].

Этот фундаментальный принцип, характеризующий экономическую эффективность, представляет собой одну сторону процесса изучения эффективности деятельности. Но любая деятельность по своей природе является социальной и обуславливает необходимость измеримости социальных эффектов. В связи с этим в последние годы все больше и больше обсуждается понятие социальной эффективности. В отличие от экономической, социальная эффективность не имеет настолько прямого характера, относится к более сложной категории и трудно поддается одномерному выражению [3].

Результаты исследования и их обсуждение. Продолжительное время сама постановка проблемы социальной эффективности рассматривается в социологии и в экономике как дискуссионная. До сих пор не найдено однозначного и общепринятого определения понятия «социальная эффективность». Существует достаточно много разработок монографического характера, авторы которых пытаются исследовать социальную эффективность различных видов деятельности, в том числе и управленческой. Прежде всего большинство авторов разрабатывают понятие социальной эффективности, определяют критерии и методы ее оценки в зависимости от целей общественного производства.

В качестве классического труда по проблемам социальной эффективности можно считать монографию болгарского ученого М. Маркова. По его словам, эффективным является то, что приводит к результату, эффекту (лат. effectus действие, исполнение; afficio действую, исполняю). Эффективный — значит деятельный [4].

Популярной моделью для оценки эффективности является зависимость «ресурсы—затраты—результат», характерной особенностью которой является выделение роли ресурсной обеспеченности и затрат для повышения эффективности управленческой деятельности.

В модели эффективной организации Р. Лайкерта определяются следующие три группы факторов [5—7]:

- внутриорганизационные, включающие в свой состав формальную структуру организации, экономическую структуру и социальную политику, профессионально-квалификационный состав персонала;

- промежуточные переменные, к которым относятся человеческие ресурсы, организационный климат, методы принятия решений, уровень доверия к руководству, средства стимулирования и мотивации к деятельности;

- результатные переменные, такие как рост или падение производительности труда и доходов, степень удовлетворения спроса потребителей и т. д.

При таком подходе эффективность создается в результате сложного взаимодействия различных факторов, среди которых доминирующее положение занимает человеческий фактор и социально-экологические факторы.

Внимания заслуживает и подход, согласно которому эффективность оценивается по степени защищенности сбалансированных интересов государства и общества. Работу государственного аппарата можно признать эффективной только в том случае, если она успешно решает проблему оптимальной защиты интересов населения, социальных групп и каждого человека. В этой двуединой задаче самой важной стороной является понятие эффективности государственного аппарата. В соответствии с данным подходом эффективность выражается в расширении возможностей активной гражданской жизни каждого человека, всего общества и эффективности государства. Она определяется хорошо функционирующей системой деятельности государственных органов, их способностью законным путем осуществлять государственные интересы, реализовать государственную политику социального и общественного развития.

Другая точка зрения связывает эффективность государственной деятельности с наличием или отсутствием оптимальной парадигмы административно-политического управления. Речь идет о противопоставлении традиционной технократической парадигмы политического управления новой — партисипативной.

Как правило, авторы непосредственно связывают эффективность государственной деятельности с наличием в ней элементов бюрократии, фактически служащей обществу [5—7]. А это бюрократия, которая находится под реальным контролем общества, выражает интересы общественного прогресса, является минимальной по количественным и качественным параметрам.

Это утверждение основано на внутреннем противоречии бюрократии широким общественным целям, ради которых она создается, и ее тесно корпоративных интересов, имеющих тенденцию к доминированию.

По мнению некоторых авторов, критерии эффективности социального управления заключаются в следующем:

- степени соответствия направления, содержания и результатов от деятельности управленческих структур и тех ее параметров, которые определяются функциями и статусом;

- законности решений и действий, соответствующих управленческим структурам и пользователям (реципиентам, бенефициарам);

- реальности влияния управленческой деятельности на состояние и развитие объектов управления;

- глубине учета и выражения управленческих решений и их влияния на конкретные и комплексные потребности, интересы и цели людей;

- характере и объеме прямых и «обратных» связей с бенефициарами, иначе говоря, в демократизме деятельности;
- степени авторитетности решений и действий управленческих структур;
- правдивости и целесообразности информации, передаваемой управленческим структурам и бенефициарам;
- влиянии управленческой деятельности в отношении внешней среды.

Любое действие, любое социальное явление или качество, в том числе и социальная эффективность, характеризуется количественной и качественной сторонами. И хотя эти две стороны объекта существуют неразрывно в единстве и взаимосвязи, тем не менее это разные характеристики окружающей нас социальной действительности. В научной литературе принято качественную сторону полученного результата (эффекта) обозначать термином «критерий», а количественную — термином «показатель эффективности».

В других исследованиях предлагается немного другая трактовка термина «критерий социальной эффективности», где он рассматривается с точки зрения взаимосвязи между количественной и качественной определенностью изучаемого и оцениваемого объекта. С количественной стороны критерий выступает как способ, инструмент, эталонная мера для движения к желаемому результату, а с качественной — как возможность для выделения «положительных сторон, формы движения в пространстве и времени».

Независимо от всех различий в понимании термина «критерий» в обозначенных подходах наблюдается смысловое единство. Кроме того, их синтез дает новое, более глубокое понимание социальной природы социальной эффективности.

Таким образом, показатель эффективности (количественный критерий) фиксирует объективированную и интегральную, главным образом количественно выраженную (например, с точки зрения натурального объема социальных благ и временного интервала их обеспечения) оценку постижений социальной системы любого ранга.

Критерий эффективности (качественный критерий) в большей степени ориентирован на исследование внутренних механизмов для достижения данного результата, включая степень ограниченности и так называемую активизацию человеческого фактора, как условие саморазвития, эффективной деятельности, социальной цены достижений, степени ограниченности и т. д.

Это различие является очень важным для разработки системы оценки социальной деятельности.

Независимо от того, в какой степени выражается эффективность функционирующей и развивающейся социальной системы, она всегда является результатом действия всех факторов, влияющих на систему в их совокупности, являющейся интегративной результативностью. При этом важно подчеркнуть, что независимо от того, насколько экстраординарной и эффективной будет деятельность отдельных факторов в социальной системе, ее высокая эффективность может быть обеспечена только соответствующим качеством системного социального взаимодействия. Это проявляется как ее неотъемлемое органическое свойство, служит как общий алгоритм и универсальный мотивационный механизм деятельности в отношении всех факторов в данной системе.

Зависимость между экономической и социальной эффективностью является сложной. В основе роста экономической эффективности, как правило, заложен следующий методический принцип, согласно которому реализация социальной программы сама по себе должна стать катализатором для эффективного экономического развития.

Средства, потраченные обществом для удовлетворения социальных потребностей, в конце возвращаются в виде повышения социальной и трудовой активности. В этой системе реализация социального управления является в конечном итоге одним из подчиненных факторов для достижения экономической эффективности.

Опыт аналогичным образом рассматривать воздействие экономического фактора для достижения интегральной социальной эффективности неизбежно страдает от упрощенного подхода. Уже признано совершенно очевидным то, что при определенной сущности социальной эффективности классический критерий (соотношение «затраты—прибыль») является

явно недостаточным. Необходим другой подход, с помощью которого можно было бы оценить действенность тех или иных социальных действий. Степень достижения социальной эффективности определяется с позиции движения к общественно значимой стратегической цели, которая по содержанию раскрывается как состояние максимально полной удовлетворенности потребностей человека и самореализации его сущностных сил, иначе говоря, его личности. Благо человека, как высшая ценность общества, становится самоцелью общественного развития. Отсюда и проектная цель любого развития, как правило, исходит как требование к определению полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества, реализацией которого является, прежде всего, создание достойных для человека условий жизни и творчества.

При этом необходимо сделать ряд важных методологических уточнений. Представление о социальной эффективности, как результативности, оцениваться с позиции приближения к общественно значимой цели, обязательно должно быть соизмерено с изменениями, соответствующими общей линии прогрессивного развития социальной системы, т. е. с ее постепенным переходом от менее к более совершенному существованию.

Необходимо отметить, что прежде, чем сравнить каждый достигнутый социальный результат с затратами, необходимо уточнить значимость самого факта достижения этого результата, прежде всего с точки зрения его соответствия с целями общественного развития. Важно также учитывать период времени, необходимый для достижения поставленной цели.

Рассмотрение проблемы социальной эффективности в зависимости от представлений общественного развития и его идеала порождает дополнительные трудности. В тех случаях, когда количественное измерение социального эффекта является трудным, в качестве единственного надежного критерия для его оценки может служить только степень приближения к цели, к реализации этих ценностей, которые она предусматривает.

В ряде разработок рассматривается преимущественно содержательная сторона понятий «социальный эффект» и «социальная эффективность». Как правило, авторы публикаций соглашались с тем, что социальный эффект представляет собой определенный социальный результат, целеполагающую деятельность, проведенную в жизнь, исходя от экономических решений.

При этом в одних случаях он означает «что-то такое, что связано с развитием человека», что «формирует новые черты образа жизни и деятельности, как индивидуальной, так и коллективной, свидетельствует о повышении социальной активности, оказывает помощь для полного развития личности и формирования нового типа работника»; в другом случае рассматривается как «результат, отвечающий целям общественного развития»; в третьем — как «степень повышения социально-психологического или санитарно-гигиенического комфорта человека». В последних случаях фактически имеется в виду не социальный результат как таковой, а эффективность, т. е. соотношение между результатом и целью, исходное и последующее состояние социальной комфортабельности [5—7].

Предложенные определения позволяют понять сущность различий между понятиями «социальный эффект» и «социальная эффективность». В первом понятии отражена констатация достижения определенных количественно или качественно измеримых результатов социальной деятельности с самостоятельным значением. Во втором понятии есть ссылки на эти результаты с указанием меры или степени реализации нормативно поставленной цели или идеала общественного развития. Эта мера для оценки социального эффекта, в свою очередь, служит важным показателем этой качественной стороны социальной деятельности, интегрированной в ее системную организацию, благодаря чему достигается социальная эффективность. Эту присущую социальной деятельности эффективность, конститутивную качественную характеристику можно определить как принцип социальной эффективности. Он непосредственно связан с критериями социальной эффективности, как конкретными качественными признаками и определениями значений, на основе которых, как своеобразных «нулевых точек отчетности», социальная деятельность оценивается как эффективная или неэф-

фективная. Рассматривая признаки, отличающие социальную эффективность от результата, его сравнивают или с целями, или с потребностями. Следует отметить, что «наиболее эффективной, при прочих равных условиях, оказывается деятельность, в которой цель в максимальной степени отражает человеческие потребности». Вместе с тем вопрос о конкретных социальных результатах (эффектах) от ее управленческого воздействия не ставится, хотя он является в данном контексте очень важным. Дело в том, что рассмотрение вопроса об оценке социальной эффективности и само содержание этого понятия являются неотъемлемой частью конкретного анализа как в отношении нормативных или идеологических целей общественного развития, так и в отношении потребностей (ожиданий, интересов, идеалов) различных социальных субъектов.

Следовательно, социальную эффективность нельзя рассматривать в области категорий абстрактного социального блага или только как движение социальной системы к какой-то предельно генерализированной цели общественного развития.

Очевидно, рассматриваемые выше сравнения эффективной социальной деятельности с целями общественного прогресса определяют один из важных моментов социальных связей и взаимозависимостей между общесистемными, социально-групповыми и индивидуально-личностными измерениями социальной активности, совокупным и, как правило, продолжительным характером ее проявления.

Некоторые авторы связывают социальную эффективность экономики с проблемой эффективности. В экономике и социологии дискуссионным является даже вопрос о правомерности такого понятия, как «социальная эффективность» (в отличие от более или менее ясного экономического максимума продукции при минимальных затратах).

Те ученые, которые считают это понятие правомерным, пытаются дать ему более конкретное определение. В частности, критерием социальной эффективности является степень решения назревших социальных проблем в минимальные сроки и с минимальными затратами для общества. Указанное определение носит дискуссионный характер, потому что разработка критерия оптимальности в социальной сфере значительно бы продвинула вперед и понимание критериев социальной эффективности, какой является и окончательная формулировка для получения этого понятия [8; 9].

Постановка вопроса об оптимальности социальной деятельности как интегрального критерия ее эффективности является перспективной именно из-за сложности каждого социального объекта, его зависимости от множества переменных, а также наличия многовекторных внутрисистемных противоречий.

Следует принять во внимание тот факт, что оптимизацией в математической теории оптимальных процессов называется процесс выбора наилучшего варианта из всех возможных вариантов, приведение системы, объекта в наилучшее из возможных (оптимальное) состояний, процесс, в котором сводится к максимуму количественная характеристика наиболее желательного свойства объекта и, наоборот, сводится к минимуму нежелательное свойство.

Вопрос о критериях оптимальности (оптимума) является важным теоретическим результатом оптимизации национальной экономики. В общем виде критерии оптимальности в экономике определяются как особые экономические и математические модели, выражающие общественные настроения. Иначе говоря, они представляют собой разновидность формализации целей экономического развития в виде аналитической и в этом смысле априорно указанной функции.

Дискуссионной является и проблема соотношения оптимальности и эффективности. Одна группа экономистов на самом деле их отождествляет, а другие пытаются разделить эти понятия. Здесь необходима целенаправленная научно-исследовательская работа. Пока ясно одно: между критериями оптимальности и эффективности безоговорочно существует самая тесная связь, при этом теоретическая отчетливость в данном отношении позволяет достичь значительных успехов в объективной оценке последствий реализации планов, программ, про-

ектов и решений. Очевидно, что, например, социальная эффективность может рассматриваться узко прагматически, как самый лучший результат решения актуальной социальной проблемы. В рамках широкого социального подхода учитываются стратегические и долгосрочные последствия, принимаемые меры.

Между этими подходами могут возникнуть определенные споры и разногласия. В этих условиях задача для достижения совокупной социальной эффективности должна формулироваться преимущественно как задача по оптимизации социально-управленческой деятельности.

Социальная и экономическая эффективность имеет двойное выражение. В отношении каждого носителя определенного вида труда она относится как часть общего, непосредственно общественного труда. В отношении продукта любого труда она проявляется как качество или свойство, способное удовлетворить растущие потребности.

Экономическая эффективность относит свои критерии для оценки результатов труда к решению вопроса о том, сколько нам будет стоить достижение полученного эффекта социальной активности, кому и как служит этот эффект. Исходя из этого, можно предположить, что в отличие от критерия экономической эффективности, критерий, удостоверяющий социальную эффективность, не осмысливается только в рамках данной «закрытой» системы социального действия, поскольку имеется указанный внешним образом нормативно-идеальный характер. Это значительно усложняет оценку социальной эффективности каждого института управления, соответственно, заставляет держать под вниманием в своем поле «внутренней среды» его деятельность, благодаря чему результативность может правильно оцениваться и измеряться. При этом измерение проводится исключительно в отношении качества данной социально-управленческой системы и «внешней среды», которая не находится в сфере ее контроля. Тем не менее это задача из области нормативных целей, из которых выводится интегральная оценка социальной эффективности.

Было бы целесообразно выделить различия и взаимосвязь между категориями «эффективность» и «качество». Критерием эффективности является соотношение «затраты—результат», а критерием качества — соотношение эффекта и целей, целей и средств их достижения. Выражением принципа эффективности является: меньше затрат — больше результата. Проявлением принципа качества является самая высокая степень достижения цели при рациональном и оптимальном использовании имеющихся средств. Очевидно, что при таком рассмотрении принципа социальной эффективности последняя принимается из позиций качества социальной деятельности, а не как соотношение «затраты—эффекты».

С точки зрения пространственных масштабов воздействия оцениваются последствия для страны, региона, области, муниципалитета, территориальной единицы — население объекта воздействия или конкретная целевая группа бенефициаров.

Под социальным влиянием в узком смысле слова понимают влияние на занятость, создание новых рабочих мест, на образование и обучение, самообразование, на здоровье и качество жизни, на общение в социальных группах и между ними, на социальную сплоченность и социальную сегрегацию в рамках локальной территориальной общности.

В этом случае задача состоит в том, чтобы ответить на вопросы, кто выигрывает и проигрывает, если предполагаемое действие состоится, то в чем выражаются и как распределяются социальные затраты и выгоды.

Чтобы оценить социальный эффект от принятия управленческих решений, необходимо иметь критерии, которые позволят нам причислить социальные последствия к благам или затратам. Другими словами, предполагается наличие определенных эталонов и ценностных ориентиров.

Процедура заканчивается определением того, что некоторые авторы называют «целевой» и «потребительской» эффективностью, т. е. эффективность в смысле нормативного идеального измерения.

Указанный опыт позволяет понять ряд простых истин, без учета которых невозможно приступить к созданию социально значимых программ и проектов:

- прежде чем приступить к реализации любого управленческого решения, необходимо оценить его социальный смысл, а значит, и его целесообразность;

- в какой степени универсальные критерии социальной эффективности не существуют, каждое конкретное управленческое решение должно сопровождаться обоснованием ожидаемого социального эффекта и формулировкой критериев его оценки;

- интерпретация социального эффекта зависит от масштаба управленческого решения, от уровня рассмотрения субъектом, испытывающим воздействие на инновации, от мотивов и поставленных целей, а также от временного интервала, в течение которого ожидается получение результата;

- важно уметь отличать социальный эффект в широком и узком смыслах слова, учитывая, что между ними существует зависимость. Обоснование управленческих решений повышается, если описание социального эффекта носит комплексный характер и включает в себя экономические, социальные, психологические, социально-культурные и другие значимые последствия;

- оценивая предполагаемый социальный эффект, нужно ориентироваться на относительно определенные ценностные эталоны, что позволяет судить о социальной «ценности» эффекта, социальной «преемственности решений». Такая оценка возможна только в случае сравнения социального эффекта от ожидаемого из нескольких альтернативных решений.

Проблема социальной эффективности управления активно начала исследоваться в конце 60-х и в начале 70-х годов прошлого века. До того этот вопрос связывался с развитием теории социального управления, которая относит его не только к экономическим, но и к социальным эффектам управленческой деятельности. Вопрос об эффективности системы управления, как эффективности деятельности субъекта управления или управляющей подсистемы, должен фокусироваться на вопросы о том, каков вклад системы управления в решение тех или иных социально значимых задач, каково ее участие в достижении целей, стоящих перед конкретной организацией.

Первичным критерием является степень влияния на управляемую подсистему. Но так как система управления является относительно самостоятельной и функционирует как целостный комплекс, можно и нужно определить еще одну группу критериев. Она формулируется на базе первичного критерия и дает ответ на вопросы, связанные с внутренним состоянием системы управления, с ее способностью действовать с возрастающей степенью эффективности.

Наряду с оценкой эффективности системы управления в общем аспекте можно и необходимо определить эффективность основных компонентов управления — функции, функциональные структуры, технологии.

Эффективность можно рассматривать не только как явление экономической сферы, более того, она является относительно самостоятельным социальным феноменом. В ее основе лежит рассмотрение многостепенной структуры элементов, ценностных критериев и показателей. В них фиксируется результативность социальных программ и мероприятий, деятельность различных групп населения, социальные последствия от реализации экономических, научных и технических проектов. Показатели социальной эффективности рассматриваются как инструменты для оценки реализации интересов и потребностей общества, государства, коллектива и личности.

Эффективность, как социальный феномен, представляется в виде качественно-количественной характеристики максимального развития человеческих ресурсов, формы социальной жизнедеятельности и управления обществом с учетом минимальных социальных, политических, экономических и нравственных затрат. Этот подход позволяет рассматривать социальную эффективность как универсальный подход для выражения степени результативности позитивного и негативного функционирования и развития социальных институтов и процессов. При этом широко известный принцип социальной эффективности выходит за рамки данного соотношения, так как он учитывает и объединяет еще несколько наиболее важных

аспектов эффективности социальной деятельности. Речь идет об ориентации социальной эффективности на достижение общественно значимых, законодательно направленных целей развития объекта социального управления, об оценке последовательности и реальной степени приближения к желанным общественным интересам в порядке «саморазвития» системы, об ориентации на качество управленческой деятельности. Эти аспекты измерения социальной эффективности должны закономерно находить отражение в построении общей модели или принципов социальной эффективности.

Заключение. Анализ проблемы социальной эффективности показывает, что в процессе появления и развития данной науки эта проблема закономерно получает должное внимание в контексте различных систем управления. В частности, следует подчеркнуть важность этого контекста по отношению к системе государственного и местного управления социальных сфер общества. Публичный характер этих систем подразумевает их ограничение в своей деятельности в смысле социального эффекта и детерминирующего его качества, социальной эффективности в широком диапазоне социальных потребностей и целей. Из-за этого социальная эффективность государственной системы управления объективно требует применения полимодального, многопараметрического подхода к ее измерению. Существенной является и связь целого комплекса социально-эффективного государственного управления с социальной безопасностью страны в целом, а также с каждым регионом и территорией в их самостоятельности.

При определении комплексной оценки эффективности социальных программ (деятельности) целесообразно отметить следующее:

– оценка эффективности социальных программ должна рассматриваться в смысле качественных и количественных показателей: количественный показатель выражается в натуральном объеме социальных благ, а также как материальные затраты для их получения, а качественный показатель или критерий отражает внутренние механизмы достижения данного результата, качество организационной и управленческой системы, системных норм и ценностей, норм права, на основе которого деятельность в данной социальной системе считается эффективной или нет;

– при оценке программ необходимо учитывать их экономическую и социальную эффективность. Экономическая эффективность выражается в том, что реализация социальной программы сама по себе должна стать катализатором для эффективного экономического развития. Средства, потраченные обществом для удовлетворения социальных потребностей, в результате должны вернуться в виде повышенной социальной и трудовой активности;

– степень достижения социальной эффективности определяется позицией движения к общественно значимой цели, которая содержательно раскрывается как состояние максимально полной реализации потребностей человека и самореализации его сущностных сил, иначе говоря, его личности, что реализуется, прежде всего, путем создания достойных для человека условий жизни и развития.

В случае сложности или возможности расчета экономической эффективности сложным при оценке является постижение оптимальности социального эффекта.

Из-за сложности при проведении отчетности и оценки стратегических и долгосрочных последствий социальных мероприятий в рамках широкого социального подхода при определении социальной эффективности мы рассматриваем социальную эффективность осуществляемых государством программ в тесно практическом смысле. А это предполагает наиболее высокую результативность при решении конкретной социальной проблемы. Оценка эффективности социальных программ в данном случае сводится к задаче оптимизации социальной управленческой деятельности в процессе решения конкретных социальных программ, используя программный подход. А это больше, чем когда-либо, требует определения критериев эффективности социальных программ и на их основе применения соответствующих оценочных методик.

Список цитируемых источников

1. *Станкевич, В.* Йоханес Гербер один из создателей немецкой микроэкономики вооруженных сил / В. Станкевич. — София : Стопанство, 1998. — 98 с.
2. *Семерджиев, Ц.* Стратегия: среда ресурсов, способности планирования / Ц. Семерджиев. — София, 2007. — 214 с.
3. *Терзиев, В.* Возможности повышения эффективности социальной адаптации военнослужащих, освобожденных от военной службы / В. Терзиев. — Русе : Примакс, 2014. — С. 56—87.
4. *Марков, М.* Технология и эффективность социального управления / М. Марков ; пер. с болг. — М. : Прогресс, 1982. — 272 с.
5. *Тернер, Дж.* Структура социологической теории / Дж. Тернер. — М. : Прогресс, 1985. — 472 с.
6. Теория и методика социальной работы. — М. : Тула, 1996. — 312 с.
7. Теория социального управления. — Киев, 1996.
8. Основы современного социального управления. — М., 1999.
9. Основы современного социального управления: теория и методология. — М., 2000.

Поступила в редакцию 19.10.2021.

Репозиторий БарГУ